

САННА СЬЮ

РАЗВОД

*Останусь нищей,
но без тебя*

The poster features three actors against a dark, cloudy background. In the foreground, a woman with blonde hair in an updo, wearing a black off-the-shoulder dress and large ornate earrings and necklace, looks directly at the camera. Behind her, a woman with long dark hair in a red off-the-shoulder dress and a man with a beard in a light pink shirt look towards the camera. The man is adjusting his shirt.

Санна Сю

**Развод. Останусь
нищей, но без тебя**

«Автор»

2026

Санна Сью

Развод. Останусь нищей, но без тебя / Санна Сью — «Автор»,
2026

Мне сорок пять. Половину жизни я была идеальной женой — вела дом, растила детей, молчала, помогала мужу строить бизнес. А онОн завёл любовницу и был уверен, что я её приму. Что никуда не денусь. А потом я встала посреди светского приёма и сказала правду. При всех. Бокалом по столу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Санна Сью

Развод. Останусь нищей, но без тебя

Глава 1

— Почему официантов так мало?! Ничего тебе доверить нельзя, Аня! Ты видишь, эти не успевают?!

Саша оттягивает меня за локоть в угол гостиной так резко, что бокал с минералкой едва не плещется на пол. Шепот злой, но улыбка на его лице — широченная, как у ведущего развлекательного шоу.

Я тоже улыбаюсь и поправляю мужу галстук (узел чуть съехал, как всегда, когда он нервничает) и тихо, почти ласково отвечаю:

— Саш, держи себя в руках.

Гости ничего не замечают: чокаются, что-то обсуждают, прекрасно проводят время. Всё правильно, ведь приём у нас шикарный. Огромная гостиная нашего дома буквально сияет: хрустальные люстры, белые орхидеи в вазах по три тысячи штука, официанты в чёрном с серебряными подносами. Запах дорогого парфюма, свежей выпечки и лёгкого дыма от сигар в мужской зоне смешивался в аромат успеха. Саша любит успех.

Сегодня здесь собрались те, от кого зависит его будущее: депутаты, владельцы сетей, пара вице-губернаторов. Он пригласил их домой специально — «чтобы видели настоящую семью». Мол, мы не какие-то там холостяки с яхтами, мы — крепкая опора, почти четверть века вместе, двое взрослых детей, дом, который кричит: «Мы всё делали правильно, денег на ветер не разбазаривали».

Хотя на самом деле наши дети — мажоры, которые считают, что деньги растут на деревьях, а мы с Сашей в последние годы спорим даже из-за того, какие бананы слаще. Денег тоже частенько не хватает — Саша любит красивые цифры в отчётах, а реальность иногда кусается. Но об этом никто не должен знать. Маска должна быть идеальной.

— Пойди и проверь, чтобы они там не прохлаждались на кухне, — шипит муж, по-прежнему улыбаясь. — Я видел, как Севцов озирался с пустым бокалом!

— Иду-иду, — отвечаю, обходя его.

От улыбки уже ноют щёки, от приветственных кивков кружится голова, а от высоченных каблучков сводит икры. Но я ни за что не ударю в грязь лицом. Наша семья — это всё, что у меня есть. Смысл жизни. Помогать Саше добиваться успеха — это я умею лучше всего.

Выхожу в коридор и, только обнаружив, что там пусто, позволяю себе на секунду убрать улыбку, тру шею сзади и устало вздыхаю. Ещё чуть-чуть. Скоро Саша толкнёт свою главную речь, гости похлопают, разойдутся — и можно будет снять это проклятое платье.

Я уже поворачиваю к кухне, когда замечаю, что дверь в домашний кинозал приоткрыта. Делаю шаг, чтобы закрыть (непорядок!), и замираю.

Из-за двери доносится приглушённый голос дочери.

— ...я всё же не уверена, что это хорошая идея. Может, тебе лучше уйти? — Милена говорит встревоженно, почти испуганно.

Ей двадцать четыре. Бьюти-блогер с двумястами подписчиков. Рассказывает девочкам, как наносить «стробинг» и «контуринг». Я просто не могу представить, кого она сейчас пытается выпроводить из нашего дома.

— Ты разве этого не понимаешь? Я просто не могу не разделить с Сашей его триумф, — отвечает ей незнакомый женский голос. Молодой, журчащий, как ручеёк. — Ну и он сам меня пригласил.

Я недоумённо пару раз моргаю. В голове будто каша.

— А если мама спросит, кто ты такая?

— Скажешь, что я твоя подружка. Мы ведь подружки, Мил? — смеется незнакомка.

— Не впутывай меня в это, Лика! — требует дочь, чуть повысив голос и добавляет тише:

— Я собираюсь держать нейтралитет во время развода родителей.

Мир останавливается.

— Ой, перестань, — фырчит та, которую дочь назвала Лика. — Отец тебе квартиру уже купил. А мать? Что она тебе сможет дать? Собираешься ей сопلي подтирать? Сама говорила, что она у тебя совершенно бесполезная...

Я отшатываюсь от двери. В глазах темно, пульс в ушах стучит так громко, что заглушает музыку из гостиной.

Слова я слышала вроде знакомые. Но смысл... их чудовищный смысл не укладывается в голове.

Моя дочь. Мой муж. Развод.

Квартира.

Бесполезная.

Глава 2

Слова Лики повисают в воздухе тяжёлым липким туманом. Не знаю как, но отползаю к окну и прячусь за тяжёлую штору.

Моя дочь. Мой муж. Развод. Квартира.

Жду, когда меня накроет истерика. Когда из горла вырвется жалкий, надрывный всхлип или колени предательски подогнутся и я осяду прямо у окна на дорожный итальянский ковёр. Но этого не происходит. Вместо паники и слёз внутри вдруг разливается обжигающий кристально-чистый холод.

«Бесполезная».

Это слово пульсирует в голове, как неоновая вывеска. Я закрываю глаза, делаю медленный вдох через нос, втягивая запах чужих сладковатых духов, пропитавших весь дом, и медленный выдох через рот.

Жажда справедливости — это одно. А вот уязвлённая гордость женщины, которая двадцать четыре года своими руками по кирпичику выстраивала бренд под названием «Александр», — это совсем другое. Это кое-кому грозит настоящей катастрофой.

Я не буду рыдать в коридоре. Не буду выцарапывать Лике глаза, уподобляясь базарной торговке. И уж точно не позволю Саше выйти из этой игры чистеньким победителем в белом пальто.

Резко разворачиваюсь, поправляю лямку брендового платья, расправляю плечи так, что между лопатками хрустит, и уверенным шагом возвращаюсь в гостиную.

Здесь всё идёт по плану. Моему плану. Идеально выверенный свет, тихая фоновая музыка, звон хрусталя. Саша стоит в центре гостиной у панорамного окна. В руке бокал, на лице — фирменная улыбка хозяина жизни. Её мы с ним репетировали перед зеркалом лет десять назад, когда он баллотировался в муниципальные депутаты.

Замечаю, как из бокового коридора выпархивает Милена, а за ней следом идёт та самая Лика. Молоденькая, лет двадцати пяти, в облегающем красном платье, которое буквально кричит о поиске спонсора. И как я раньше не замечала, что в нашей с Сашей кровати появился кто-то третий? Как я могла быть такой слепой?

Муж ловит мой взгляд, и его лицо озаряется облегчением. Он слегка стучит десертной ложечкой по краю бокала. Тонкий звон заставляет гостей замолчать и обернуться к хозяину дома.

— Дорогие друзья, партнёры, коллеги, — начинает муж своим поставленным, бархатным баритоном. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать старт нового проекта. Но, глядя на вас в стенах моего дома, я хочу сказать о другом. О том, без чего никакой бизнес и никакие амбиции не имеют смысла.

Он делает театральную паузу. Я стою в трёх шагах от него и чувствую, как губы сами растягиваются в привычную, поощрительную улыбку. Рефлекс.

— Я хочу поднять этот бокал за семью, — проникновенно продолжает Саша. — За мой надёжный тыл. За потрясающую женщину, которая даёт мне сил на новые свершения! — он говорит так, будто обращается к гостям, но я прослеживаю его взгляд и вижу, что муж смотрит только на любовницу. А она горделиво ему улыбается. Но Саша переводит взгляд на меня и салютует бокалом: — За Аню, с которой мы вместе уже почти четверть века. Старушка моя, ты — сердце этого дома. Без твоей любви, терпения и поддержки я бы никогда не стал тем, кем являюсь сегодня.

Гости умиленно улыбаются. Кто-то одобрительно кивает. Депутат Севцов поднимает бокал в мою сторону.

Саша протягивает мне свободную руку.

— Скажешь пару слов нашим гостям, дорогая?

— С удовольствием, дорогой. Сама хотела, — говорю я.

Голос звучит на удивление ровно, ни малейшей дрожи. Я делаю шаг вперёд, беру из его рук радиомикрофон, который мы приготовили для презентации, и поворачиваюсь к гостям.

Обвожу взглядом идеальную картинку. Дорогие костюмы, бриллианты, вышколенные официанты. Моя дочь Милена стоит у колонны и напряжённо тербит браслет на запястье. Рядом с ней переминается с ноги на ногу Лику, постреливая в Сашу многозначительными взглядами.

А чуть поодаль, прислонившись плечом к каминной полке, стоит наш двадцатилетний сын Егор. Гости: владелец медиахолдинга, вице-губернаторы, пара депутатов из Думы, блогеры... Я сама настояла на том, чтобы пригласить побольше медийщиков. Владелец медиахолдинга Виктор Громов не улыбается, как остальные. Смотрит на меня поверх своего бокала цепким сканирующим взглядом хищника, который чувствует неладное.

— Мой муж сказал замечательные слова, — произношу я в микрофон, и мой голос разносится по притихшей гостиной. — Семья — это действительно фундамент. Это доверие, честность и, как правильно заметил Саша, поддержка.

Саша рядом со мной сияет, как начищенный пятак.

— Но знаете, бремя успешного мужчины иногда настолько тяжело, что одной женщины для поддержки бывает просто недостаточно. — Я делаю паузу и улыбаюсь ещё шире.

Брови Саши дёргаются. Он слегка поворачивает ко мне голову, но маску пока держит. В зале повисает секундная тишина.

— Именно поэтому я хочу дополнить тост моего мужа, — продолжаю я, чеканя каждое слово. — Я хочу поднять бокал за ту, которая теперь «даёт ему силы на новые свершения» вместо меня.

Я поворачиваюсь и смотрю прямо на Лика. Девушка бледнеет так стремительно, что красное платье кажется на ней кровавым пятном.

— За Лика, — произношу я чётко и громко. — Чудесную молодую музу Александра. Которую наша дочь Милена сегодня любезно прятала от меня в кинозале, обсуждая грядущий развод и купленную ей отцом квартиру за лояльность.

Тишина становится оглушающей. Мёртвой. Такой, что слышно, как гудит кондиционер под потолком.

— Аня, что ты несёшь?.. — шипит Саша сквозь зубы.

Его лицо идёт красными пятнами, глаза округляются от паники. Он тянется к микрофону, но я легко отступаю на шаг в сторону.

— Я считаю, что успех нужно делить по-честному, — говорю я, глядя в ошарашенные лица политиков, бизнесменов и их идеальных жён.

У Севцова отвисает челюсть. Кто-то нервно кашляет. Милена закрывает лицо руками и отворачивается к стене.

— Вы хотели видеть настоящую семью? Вы её увидели. Надеюсь, новые инвестиции Александра пойдут на благо всех его... партнёров. Хорошего вам вечера, господа.

Я аккуратно, без стука, кладу микрофон на ближайший фуршетный столик. Оборачиваюсь к мужу. Саша выглядит так, будто в него ударила молния. Рот приоткрыт, грудь тяжело вздымается. Вся его безупречная вылизанная репутация прямо сейчас осыпается на паркет грязной штукатуркой.

Разворачиваюсь и иду к выходу. Мои каблук звонко и ритмично стучат по полу. Я чувствую спиной десятки взглядов. Шокированных. Осуждающих. Сочувствующих. И только один взгляд обжигает иначе.

Проходя мимо камина, я на долю секунды пересекаюсь взглядом с Виктором Громовым. Он больше не опирается на полку. Он стоит прямо. На его губах играет едва заметная циничная усмешка, а в тёмных глазах плещется откровенное восхищение.

Я не отвожу глаза. Слегка вздёргиваю подбородок и выхожу из зала.

Спектакль окончен. Декорации можно сносить.

Глава 3

Гостиная остаётся за спиной. Голоса гостей — приглушённые, растерянные — доносятся как сквозь толщу воды. Саша пытается спасти ситуацию — слышу его натужный смех и обрывок фразы «шутка, друзья, просто семейный розыгрыш», но никто не смеётся в ответ.

Каблуки стучат по лестнице. Я иду в спальню. Не бегу, а просто механически переставляю ноги. Как робот какой-то, потому что если остановлюсь хоть на секунду, точно упаду. Прямо здесь, на ступеньках, которые мы с Сашей выбирали вместе в салоне итальянской мебели. Он хотел мрамор, я — дерево. Победил мрамор. Как всегда.

Толкаю дверь спальни. Тяжёлая, дубовая, с бронзовой ручкой. Мы заказывали её в Италии, и Саша две недели ждал доставку, названивая курьерам по три раза в день. Я ещё смеялась тогда: «Саш, это дверь, а не невеста». Он не смеялся. Для него вещи всегда были важнее шуток.

В спальне тихо. Пахнет нашим общим запахом — его древесным одеколоном и моими лёгкими цветочными духами. Двадцать четыре года эти два аромата смешиваются на одной подушке, на одном постельном белье, в одном воздухе. Я привыкла к этому запаху как к собственному дыханию и уже не замечала его, а сейчас он бьёт в нос так, что хочется распахнуть окно и высунуться по пояс.

Кровать идеально заправлена — я сама её утром застелила, разглаживая каждую складочку. Жаль, жизнь нельзя разгладить простым движением руки. На тумбочке с его стороны часы и зарядка от телефона. С моей — книга, которую я начала читать месяц назад, но так и не дочитала. Закладка торчит на сто двенадцатой странице. Почему-то именно эта закладка вдруг становится невыносимо важной. Сто двенадцать страниц. Я даже книгу не могу дочитать, потому что каждый вечер засыпаю, не осилив и абзаца, — так устаю за день, обслуживая чужую жизнь.

Руки трясутся. Это первое, что я замечаю, когда пытаюсь отодвинуть дверь гардеробной. Пальцы не слушаются, соскальзывают с ручки. Со второй попытки створка отъезжает.

Чемодан. Мне нужен чемодан. Бордовый, с которым мы летали на Мальдивы три года назад? Нет. Он не подойдёт. Слишком большой и слишком болезненные воспоминания навевает. Последний отпуск, когда Саша не взял с собой рабочий телефон. Мы тогда гуляли по пляжу, ели мороженое из вафельных рожков, и он держал меня за руку. За руку! Как мальчишка!

А может, всё наладится? Может, мы просто устали друг от друга, и нам нужно просто друг от друга немного отдохнуть?

Боже, что я несу? Как будто Лика куда-то исчезнет, а предательство выветрится из моей головы.

Сжимаю зубы, прикрываю на миг глаза, делаю шумный вдох носом и снимаю с верхней полки другой чемодан. Старый, меньше, синего цвета и потёртый на углах. Внутри до сих пор лежит бирка от аэропорта — я забыла её снять.

Зачем-то читаю. «Пассажир Анна Сорокина». Вот и всё, что от меня осталось — бирка на чемодане.

Открываю его и начинаю складывать вещи. Три комплекта белья. Джинсы. Два свитера. Футболки. Косметичку. Руки двигаются механически, а глаза почему-то цепляются за всё подряд.

Его рубашка. Голубая, в тонкую полоску. Висит на спинке стула — я погладила её вчера вечером для сегодняшнего приёма, но он решил надеть розовую. Гладила и думала: какой же он будет красивый в ней. Мой Саша. Мой муж. Мой...

В носу щиплет. С силой тру глаза, забыв о макияже. Чёрт!

На полке в шкафу за стопкой моих свитеров стоит фотография в рамке. Я прячу её здесь от пыли и чужих глаз. На фото нам с Сашей по двадцать с небольшим. Свадьба. Он в нелепом пиджаке с широченными плечами, я — беременная дочкой, в платье, которое мама перешила из своего. Мы смеёмся. Я не помню, над чем, но смеёмся так, что у обоих зажмурены глаза.

Беру рамку в руки. Стекло холодное. Эти двое на фотографии понятия не имеют, что их ждёт через двадцать четыре года. Что девочка в мамином платье будет стоять в шикарной гардеробной и собирать чемодан, а мальчик в нелепом пиджаке будет внизу, в гостиной, объяснять депутатам, что его жена «просто пошутила».

Ставлю рамку обратно. Не беру. Это — прошлое. А у прошлого слишком тяжёлые рамки.

Мамина иконка. Вот её я беру. Маленькая, в серебряной рамке. Мама подарила мне на свадьбу и сказала: «Аня, если будет совсем плохо — посмотри на неё и вспомни, что ты сильнее, чем думаешь». Я тогда рассмеялась: «Мам, ну что может быть плохого? Я выхожу замуж за лучшего мужчину на свете!»

Прижимаю иконку к груди. Мама, как ты была права. Мамы всегда правы. Даже когда мы изо всех сил стараемся доказать обратное.

Дверь распаивается с таким грохотом, что я подпрыгиваю и сердце пускается вскачь.

Саша.

Галстук сбит, ворот рубашки расстёгнут, лицо красное. Он тяжело дышит — не от бега, от ярости. Захлопывает за собой дверь, и у меня мороз по спине пробегает. Двадцать четыре года я знаю этого человека, но так он на меня ещё не смотрел. Как на врага.

— Ты. Совсем. Охренела, — чеканит муж, и каждое слово падает как кирпич.

Я молчу. Возвращаюсь к вещам, изо всех сил стараюсь скрыть страх.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Поднимаю глаза. Смотрю. Он стоит в дверях гардеробной, широко расставив ноги. Поза, которую он отрабатывал на переговорах: «я здесь главный, и вы сейчас это поймёте».

— Ты хоть представляешь, что ты натворила?! Там Севцов! Маликов! Громов! Люди, от которых зависит мой проект! Наш проект, Аня! Наше будущее! И ты выходишь с микрофоном и несёшь какой-то бред про любовниц?!

— Бред? — переспрашиваю тихо.

— Бред! Чушь! Закатила истерику на пустом месте! У тебя поехала крыша?

— То есть Лика — это пустое место?

Он осекается. На секунду в его глазах мелькает что-то — не раскаяние, нет. Расчёт. Я вижу, как за этими карими глазами, в которые я когда-то влюбилась, бешено вращаются шестерёнки. Он выбирает стратегию.

— Аня, — голос вдруг становится мягким, почти ласковым. Он делает шаг ко мне, протягивает руку. — Аня, послушай. Ну да, я встречался с девушкой. Это... ерунда. Глупость. Она ничего не значит. Ты же знаешь, какой у меня стресс. Мне нужна была разрядка. Это не имеет никакого отношения к нам с тобой. К нашей семье. Я тебя люблю!

Ах, вот как. Значит, сначала — ярость. Потом — мольба. Классика.

— Ты купил Милене квартиру, чтобы она молчала. Зачем? Готовил к тому, чтобы она встала на твою сторону во время развода? — рассуждаю вслух. Голос почему-то совсем чужой. Ровный, как линия на кардиомониторе.

Саша морщится.

— Что ты несёшь? Квартира — это инвестиция в будущее дочери. При чём тут...

— Она знала, Саша. Наша дочь знала о Лике и молчала. Наш сын тоже знает?

— Не выдумывай!

— Я слышала разговор. Своими ушами. Лика и Милена. В кинозале. Хочешь, процитирую?

Он замолкает. Стоит, сжав кулаки, и я вижу, как на его виске пульсирует вена. Толстая, синяя. Раньше я гладила этот висок, когда у него болела голова. Клала его голову себе на колени и водила пальцами по волосам, пока он не засыпал. Когда это было? Лет пять назад? Семь?

— Ладно, — наконец говорит он другим голосом. Жёстким, деловым. Переговорщик, который понял, что мягкая тактика не работает. — Ладно, Анна. Хочешь правду? Пожалуйста. Да. Лика есть. Да, дети знают, но совсем не из-за того, что я собирался с тобой разводиться. Я просто хотел их, а потом и тебя подготовить к... — он осекается и бормочет ругательство. Не знает, мерзавец, как безобидно произнести словосочетание «легализовать любовницу». Не находит варианта и переходит к другой тактике: — Но это МОЯ семья, МОЙ дом и МОИ деньги. Без меня у тебя — ничего. Слышишь? Ни-че-го! Ни жилья, ни машины, ни карточки, ни работы. Ты двадцать четыре года сидела у меня на шее, а теперь устроила цирк перед людьми, от которых зависит наша жизнь!

«Наша жизнь». Надо же, какой выбор слов.

— Ты сдохнешь в канаве через месяц, — добавляет он тихо, с расстановкой.

И это звучит страшнее, чем крик. Потому что он не угрожает. Он констатирует. Он правда в это верит.

И вот тут — на этих словах — что-то внутри меня ломается. Не решимость. Решимость на месте, она как стержень. Ломается что-то другое. Стена. Плотина. Двадцать четыре года молчания, терпения, улыбок и «всё хорошо, Саш, я справлюсь».

Глаза обжигает. Я отворачиваюсь. Не хочу, чтобы он видел. Не заслужил.

Смаргиваю слёзы. Раз. Два. Три.

— Ты прав, — говорю, и голос всё-таки дрожит. Чёрт. — У меня нет ни квартиры, ни машины, ни работы. Но знаешь, чего у меня ещё нет? — я защёлкиваю чемодан, и этот щелчок звучит неожиданно громко, как выстрел. — Желания провести с тобой под одной крышей ещё хоть одну минуту.

Саша открывает рот — и закрывает. Впервые за двадцать четыре года ему нечего ответить.

Я беру чемодан и выхожу, оттолкнув мужа с прохода.

Глава 4

Комната Милены в конце коридора. Дверь приоткрыта, изнутри пробивается голубоватый свет экрана. Я останавливаюсь перед ней и чувствую, как сердце начинает биться чаще. Сильнее. Больнее. Потому что ссора с мужем — это одно. Это больно, но ожидаемо. А то, что ждёт за этой дверью...

Толкаю створку.

Милена сидит на кровати, ноги поджаты, лицо в телефоне. Листает ленту с такой сосредоточенностью, будто там решается судьба мира, а не мелькают чужие сторис. Егор стоит у окна, скрестив руки на груди. Оба тут. Совещаются? Сын выше Саши на полголовы, шире в плечах — мой мальчик, мой младший, которого я кормила грудью до полутора лет, потому что он отказывался от смеси. Который в пять лет нарисовал мне открытку ко дню рождения: «Мама, ты самая красивая на свити» — через «и», потому что ещё не выучил «е».

Оба поднимают глаза — и сразу прячут.

Вот он, момент истины. Я знаю, что они выбрали. Я слышала это внизу, в кинозале. Но одно дело — слышать подслушанный разговор, и совсем другое — увидеть это в глазах собственных детей. Подслушанному можно не поверить. Придумать объяснение, оправдание, смягчающие обстоятельства. «Милена просто растерялась». «Егор не знал всей правды». «Они дети, они не понимают».

Я цепляюсь за эту соломинку. Цепляюсь изо всех сил, потому что альтернатива невыносима.

— Поехали со мной, — говорю я, и в этих трёх словах — всё. Вся моя надежда, вся моя боль, вся моя материнская любовь, которая упрямо, по-бычьему, отказывается верить в предательство.

Милена вцепляется в телефон сильнее, как в спасательный круг. Егор рассматривает что-то на ковре комнаты сестры. Я жду. Секунда. Две. Десять. Тишина такая плотная, что слышно, как внизу, в гостиной, прощаются с организатором приёма последние гости.

— Мам... — начинает Милена. Голос тонкий, надтреснутый. Она всё ещё не смотрит на меня. — Ну ты чего... Лика просто дура. Пустышка. Папа же нас обеспечивает. Не делай резких движений. Подумай головой. У всех так бывает.

«У всех так бывает». Любовница — норма. Ложь — привычка. Предательство — у всех так.

— У всех? — переспрашиваю. — Мил, ты двадцать четыре года росла в семье, где мама и папа спали в одной кровати, ужинали за одним столом, вместе ездили на каждый твой утренник. И ты говоришь мне «у всех так»?

Милена поджимает губы. Узнаю свой собственный жест — так делаю я, когда не хочу плакать.

— Мам, ну не усложняй. Папа тоже дурак, да. Но зачем из-за этого уходить? Тебе же будет плохо одной!

Мне будет плохо. Ей не приходит в голову спросить: «А тебе не было плохо все эти годы?»

Поворачиваюсь к сыну.

— Егор?

Он наконец отрывается от подоконника. Смотрит на меня, и в его глазах я не нахожу ничего. Ни сочувствия, ни злости, ни вины. Равнодушие. Гладкое сытое равнодушие двадцатилетнего парня, у которого всё есть и которому не нужно ничего решать.

— Мам, это жизнь, — говорит он, пожав плечами. — Отец купил мне машину в прошлом месяце. Квартиру Милке. Ты что, хочешь, чтобы мы от этого отказались? Из-за какой-то Лики?

«Какой-то Лики». Не «из-за того, что папа предал маму». Не «из-за того, что наша семья — враньё». А «из-за какой-то Лики». Как будто проблема в девушке, а не в том, что мой сын смотрит на меня и видит не мать, а обузу. Помеху между ним и папиной кредиткой.

— Не позорь нас перед всеми, — добавляет Егор. — Ты и так уже устроила шоу.

Вот и всё. Вот он — ответ.

Я стою в дверях с чемоданом и чувствую, как внутри, где-то глубоко, в том месте, где живёт материнская вера в своих детей, что-то почти беззвучно лопаётся. Как лопаётся воздушный шарик, из которого медленно выходит воздух: не с хлопком, а с жалким, тонким «пшш-ш-ш».

Хочется сказать детям столько всего. Что я не спала ночами, когда у Милены были колики. Что я таскала Егора на руках до пяти лет, потому что он боялся ходить по лестницам. Что я шила костюмы на утренники, пекла торты на дни рождения, делала домашку вместе с ними до восьмого класса. Что я отказалась от своей жизни, своих друзей, своих амбиций — ради них. Ради вот этих двоих, которые сейчас сидят и стоят передо мной и выбирают машину и квартиру.

Хочется — но не говорю. Потому что это будет жалко. А я не хочу их жалости. Я хочу, чтобы они сами поняли. Когда-нибудь.

— Значит, вы выбираете его, — говорю я. Не вопрос. Констатация. — Ладно.

Милена вдруг поднимает голову. На секунду в её глазах мелькает что-то живое — страх? сомнение? совесть? Я не успеваю понять, потому что она тут же опускает взгляд обратно в телефон. Момент прошёл. Как и не было.

— Тогда прощайте.

Егор хмыкает. Милена молчит.

Я разворачиваюсь и иду вниз по лестнице. Чемодан бьётся о ступеньки — бум, бум, бум, — как замедленный пульс. Никто не бежит за мной. Никто не кричит «мама, подожди!». Лестница длинная, двенадцать ступенек. Я считаю каждую.

На улице март. Мокрый, злой, пронизывающий. Ветер забирается под тонкое пальто и хозяйничает, как у себя дома. Гости, к счастью, разъехались. Я стою на крыльце и смотрю на подъездную дорожку, на кусты, подстриженные садовником, на фонарь, который мы поставили в прошлом году — я выбирала, кованный, с витражным стеклом.

Спускаюсь и иду к воротам.

Чемодан катится за мной по мокрой плитке. Колёсики противно дребезжат. Звук, от которого хочется выть.

Достаю телефон. Экран освещает лицо — представляю, как жутко я сейчас выгляжу, макияж наверняка размазала. Вызываю такси. Пальцы мокрые, попадаю не по тем кнопкам. Со второй попытки получается.

«Машина через 7 минут».

Семь минут. Стою и жду. В доме горят окна. Обслуга убирает последствия фуршета. Мой дом. Мои шторы, мои орхидеи, мои картины. Сколько раз я туда и обратно поднималась по этим ступенькам? Сколько раз открывала эту дверь и думала: «Я дома»?

Достаю телефон снова. Последнее, что могу оплатить этой картой, его счёт, пока Саша не добрался до приложения банка. Он это сделает, я не сомневаюсь. Заблокирует всё. Как выключатель: щёлк — и темнота. Перевожу на счёт телефона все деньги с карты. Не знаю, можно ли их будет куда-то вывести или нет. Действую по наитию.

Готово.

Замираю.

А может, он прав?

Мысль приходит сама — незваная, гадкая, как тараканы на кухне, которых давишь, а они всё лезут. Может, он прав? Может, я действительно никто без него? Двадцать четыре года

без работы. Без профессии. Без собственных денег. Что я умею? Гладить рубашки? Вкусно готовить? Организовывать приёмы для чужих людей?

Ветер швыряет в лицо горсть мелкого дождя. Я моргаю, стираю капли и вдруг ловлю себя на том, что сжимаю в кармане мамину иконку. Острый угол рамки впивается в ладонь. Больно. Это хорошо. Боль возвращает ясность.

Нет.

Нет, Аня. Не «может». Точно нет. Ты не никто. Ты — женщина, которая только что вышла из горящего дома. На тебе пальто, у тебя есть чемодан, мамин оберег и родители. А может, и ещё что-то, о чём ты даже не подозреваешь.

Жёлтая машина заворачивает на подъездную дорожку. Я открываю дверь, запихиваю чемодан и сажусь на заднее сиденье.

— Ленина восемьдесят три? — спрашивает водитель.

Подтверждаю. У родителей двушка сталинка с высокими потолками в старом городе. Квартира, где я выросла. Где мама будет ждать с чаем, а папа молча нальёт коньяк и не задаст ни одного вопроса. Где пахнет пирожками, книгами и безусловной любовью — единственной настоящей любовью, которую я знаю.

Машина трогается. В заднем стекле сначала наш дом медленно уменьшается, а потом скрывается за поворотом. Навсегда.

Хотя... нет. Это разве я должна уходить в ночь с чемоданчиком, как предательница? Я ещё вернусь и своё заберу!

Еду и тихо плачу. Не рыдаю. Не всхлипываю. Слёзы просто текут сами — горячие, солёные. Это не слабость. Это двадцать четыре года, которые вытекают из глаз по каплям. По одной на каждый год.

Водитель молчит. Хороший человек.

За окном мелькают фонари. Жёлтые, размытые, как акварель. Город, который я знаю наизусть. Каждую улицу, каждый поворот. Вот кафе, где Саша сделал мне предложение. Вот роддом, где я родила Милену. Вот школа Егора. Вот...

Я зажмуриваюсь и нащупываю в кармане икону.

Хватит.

Впереди — мамин чай, папин коньяк, продавленный диван и абсолютная неизвестность.

Впервые за двадцать четыре года я еду не туда, куда нужно Саше.

Я еду к себе.

Глава 5

Просыпаюсь от запаха блинов. Не сразу понимаю, где я. Потолок обычный, побеленный, обои незнакомые — нет, знакомые, просто забытые. Мелкие голубые цветочки на белом фоне. Мама клеит такие уже лет тридцать. Купила ещё при СССР по большому благу стратегический запас на «всю жизнь», с тех пор периодически обновляет. Впервые я их увидела, когда мне было лет пять, и я ещё ныла, что хочу стены «как у Иры» — с феями и звёздами. Мама сказала: «Анечка, в цветочках — душа, а из фей ты скоро вырастешь». Победили цветочки.

Лежу на продавленной полутороспальной кушетке, укрытая клетчатым пледом, который помню с детства. Он колючий и пахнет домом — тем самым, настоящим. Не домом с итальянской дверью и мраморной лестницей, а домом, где тебя любят просто так. Без условий, без контрактов, без «ты сдохнешь в канаве».

Сажусь. Голова тяжёлая, глаза опухшие. Вчера я плакала. Не при родителях — при них держалась. Мама открыла дверь, увидела меня с чемоданом и ни слова не сказала. Просто обняла. Крепко, молча, долго. Папа вышел из кухни, посмотрел на нас, ушёл обратно и вернулся с рюмкой коньяка. Поставил на тумбочку в прихожей и сказал: «Пей. Потом поговорим. Или не поговорим». И ушёл.

Я выпила коньяк, приняла душ, ушла в свою комнату, легла на свою детскую кровать — и вот тут меня накрыло. Рыдала в подушку, зажимая рот рукой, чтобы родители не слышали через стенку. Хотя они наверняка слышали. Стены в сталинке толстые, но материнский слух острее.

Сейчас утро. Судя по свету за шторой — часов девять, может, десять. Ноги гудят — отходят от каблучков.

На тумбочке рядом с диваном лежит мамина иконка. Я поставила её перед сном, приклонив к стопке книг, которые стоят тут, наверное, с моего выпускного. Толстой Достоевский. Тонкий сборник стихов Ахматовой. «Мастер и Маргарита» — самое потрёпанное издание, потому что я читала его раз пять.

Тянусь к телефону. Он лежит на полу, подключённый к зарядке — мама позаботилась. Экран оживает, и первое, что я вижу — двадцать три пропущенных вызова и сообщений.

Двадцать три.

Семнадцать звонков — от Саши. Начались в час ночи и закончились в четыре утра. Ни одного голосового сообщения. Значит, звонил не мириться, а контролировать. Проверял, возьму ли трубку. Испугаюсь ли и примчусь ли обратно.

Три сообщения — от Милены. Тоже ночные. Открываю. Первое: «Мам ты где?» Второе: «Ответь пожалуйста». Третье: «Ну мааам». Без единого «прости». Без «я была права». Просто тревога ребёнка, которому стало некомфортно, но не за меня, а за своё спокойствие.

От Егора — ничего. Ноль звонков, ноль сообщений. Как будто у него нет матери. Как будто я — просто функция, которую отключили, и можно жить дальше.

Это больнее всего. Больнее Сашиных «сдохнешь в канаве». Больнее Ликиного смеха. Мой сын. Мой мальчик. «Мама, ты самая красивая на свити». Двадцать лет, и от него — ноль. Откладываю телефон. Не сейчас. Не готова.

Встаю, натягиваю мамины тапочки — смешные, розовые, с кроличьими ушами — и иду в кухню.

Мама стоит у плиты. Маленькая, сухонькая, в фартуке с надписью «Королева кухни» — подарок Милены на прошлый Новый год. Блины шипят на сковородке, на столе уже стоит банка варенья, сметана и чашка чая. Моя чашка. С отколотой ручкой и надписью «Лучшая дочь». Я подарила её маме лет сто назад, на восьмое марта.

— Доброе утро, солнышко, — говорит мама, не оборачиваясь. — Садись. Блины с чем будешь? Варенье или сметана?

— И то, и другое, — отвечаю хрипло.

Сажусь за стол. Маленькая, по сравнению с моей, кухня, в двенадцать квадратных метров. Холодильник старенький, но не гудит. За окном — двор с тополями, детская площадка, на которой я играла. Всё маленькое, тесное, привычное. После нашего дома с панорамными окнами — как кукольный домик.

Но здесь пахнет блинами. А в нашем доме внезапно запахло ложью.

Мама ставит передо мной тарелку. Три блина, горячие, с кружевными краями. Садится напротив. Смотрит. Ждёт. Не спрашивает.

— Мам, — начинаю я, — Саша...

— Я знаю, — говорит она спокойно.

— Что? Откуда?

Мама берёт свою чашку, делает глоток и кивает в сторону коридора.

— Папа с утра сходил за свежей сметаной. В магазине соседка Зинаида показала ему что-то в телефоне. Папа пришёл, молча сел в кухне и минут двадцать сидел. Потом сказал: «Мать, я Сорокину шею сверну».

У меня падает сердце.

— Что именно соседка показала?

Мама молчит. Потом тихо говорит:

— Анечка, ты лучше сама посмотри. Только сначала доешь блины.

Я не доедаю. Бросаю вилку и бегу за телефоном.

Открываю браузер. Набираю «Александр Сорокин» и...

Земля уходит из-под ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.